

*Кети Чухров, пьеса Афган – Кузьминки:
сексуальная/текстуальная политика поэтического письма*

Ирина Соломатина

Диспозиции

Просматривая некоторые Интернет-издания, можно встретить «нейтральное» имя «философа и поэта Кети Чухров». Но, «кликнув» на YouTube ссылку,¹ можно увидеть Кети, исполняющую свою поэму *Афган–Кузьминки* на презентации альманаха *Транслит* в Смольном институте свободных искусств и наук. Достаточно часто, когда речь заходит об искусстве или творчестве, говорят о «нейтральности» автора, о том, что разного рода социально значимые различия «растворяются» в творческом импульсе.² Но все, что не маркировано по гендерному признаку, является не нейтральным, а мужским, и это признак дискурсивного доминирования патриархатных отношений в обществе.

Для меня является принципиально важным (показательным) момент фиксации или не фиксации половой принадлежности в языке. Полностью отдаю себе отчет в том, что в основе такого стремления лежит определенная политика (языковой) идентичности, связанная с попыткой обозначить *свое собственное* «присутствие на карте» мира. Вспомним структурно-функциональный подход к пониманию гендерных отношений в обществе, представители которого исходили из определенной дифференциации по признаку пола, т.е. у каждого(ой) есть «свое место», заданная позиция, которая и создает картину мира человека как «идеальную» машину и структуру со всеми ее ролями (функциями) на отведенных местах. На уровне языка лингвистический функционализм проявлялся в стремлении находить некую сущностную связь между означающим (окончанием) и означаемым (референтом). Критика такого фундаментализма и модернистского сознания, освободившего себя от всех специфических исторических привязок,³ стала толчком к «лингвистическому повороту», акцентирующему факт, что никакой сущностной связи нет. А есть исторические, культурные конвенции и социальный опыт, который может меняться и активно менять как содержание

понятий, так и те объекты, с которыми эти понятия связываются. В этой связи, напомним о дискуссии «об окончаниях» в дискуссионной рассылке ХЦГИ по гендерным исследованиям, где Сергей Ушакин, рассуждая о данной языковой дилемме, напомнил, как с ней справлялись англоязычные феминистские и постколониальные (постструктуралистские) исследования. «После неудачных попыток сформировать «альтернативную», «женскую», «колониальную» норму, которая лишь привела к формированию еще одной «полиции нравов», соблюдающей выполнение вновь сформулированных «норм»... произошел переход от нормо-творчества к анализу генеалогии норм, к попыткам показать, что норма – явление историческое, случайное, что «женские особенности» и «мужская специфика» оформились в процессе своеобразной житейской (в том числе и лингвистической) цензуры. Потому в попытках понять как (*именно*) то или иное явление/норма стали «мужским» или «женским» виделось больше смысла, чем в попытках выстроить еще один «гомогенный» теоретический или идентификационный загончик». ⁴ Ушакин обращает внимание на то, что и на постсоветском пространстве появляются некоторые нетривиальные подходы к языковой практике, которые успешно соседствуют с устоявшимися практиками, не нанося им абсолютно никакого вреда. Например, попытки некоторых авторов акцентировать внимание не столько на субъекте (профессиональной идентичности: философ, социолог, поэт), сколько на предикатах, благодаря которым становится возможным прояснить идентичность самого субъекта, например: «московская философ», «беларусская лингвист». «... ощущение излишней детализации, которое возникает в данном случае – ложное. В таких вариантах информация (точнее, ее отсутствие) одинакова. Но именно вот эта детализация и отстраняет автоматизм восприятия, демонстрируя, что «неизвестность» – это не всегда «про мужское», а «детализация» – это не всегда «про женское»... Возникающий эффект-то принципиально иной – речь идет об историзации нормы, стандарта или канона, вместо бесконечного изобретения соответствующих «половых эквивалентов». ⁵

Итак, лингвистическое экспериментирование с языковой практикой, нормой, каноном, принципиально важное для меня в поиске *своего* собственного описания (даже при знании о существующих ограничениях), остается зоной умолчания для «философа и поэта Кети Чухров». Возможно, ей стыдно быть женщиной, потому что качества философа и поэта (слов грамматически мужского рода) изменяются с использованием гендерного экспериментирования с нормой, трансформируя традиционно созидательное начало этих «профессий», порождая эстетическую непристойность или даже пародию на поэта, философа (корень и суффикс находятся в вечной вражде).

Критика или конструктив?

По словам Джудит Батлер, «мы не можем выжить, если к нам никто не обращается, а это означает, что обращение может и должно обеспечивать постоянное условие этических размышлений, суждений и поведения». ⁶ Мой отклик – это, прежде всего, отклик на *текст* поэмы (в Интернете его можно найти на сорок второй странице альманаха *Транслит* в pdf формате), ⁷ который начинается так:

Афган – Кузьминки

(сцена попытки приступить к сексу)

Действующие:

Гамлет – поставщик оптом и в розницу меховых товаров для вещевого рынка «Афган» в Кузьминках

Галина – продащица, стоит за прилавком галантереи

Эти несколько строчек хорошо иллюстрируют гендерный режим рынка труда в одном из районов современной Москвы на отдельно взятом вещевом рынке, так как любая человеческая практика предполагает наличие социальной структуры, т.е. включает в себя определенные социальные правила и ресурсы и всегда привязана к некоей ситуации или обстоятельствам. Люсьен Голдман показал, что необходимо изучать трансформации сложной структуры в реальном времени, в противоположность «виртуальному» времени структурализма. ⁸ Поэтому, он вводит структурный анализ *второго рода*, смысл которого заключается в описании структурных особенностей конкретной ситуации. Главными элементами любого гендерного режима* являются труд (разделение труда по признаку пола), власть (структура власти) и катексис. ⁹ На практике эти элементы существуют вместе, смещаются лишь акценты.

Займемся различием.

1. Труд

На вещевом рынке «Афган» действует механически воспроизводимое разделение труда, ставшее «социальным правилом». Мужчины – либо владельцы (собственники), либо – поставщики. Женщины нанимаются в качестве продавщиц в ларьки («обслуга»¹⁰ – низший уровень трудовой иерархии). Понятно, что труд мужчин и женщин оплачивается по-разному. В постсоветский период произошедший передел собственности и недавний экономический кризис коренным образом (из)меняют режимы занятости, и именно женщины оказываются

---

* Гендерный порядок – исторически сконструированный паттерн властных отношений между мужчинами и женщинами и соответствующие ему определения феминности и маскулинности. Гендерный режим основан на той же логике, применимой к более частным случаям.

главными жертвами безработицы. Некоторые из них, потеряв официальную работу, вынуждены соглашаться обменивать свою «сексуальность» на оплачиваемую работу. Именно так стала конструироваться работодателями современная занятость на базарах/рынках,¹¹ в основе которой лежит практика сексуального «обмена», контролируемая мужчинами, но открывающая для женщин возможность определенного типа работы и даже некоторого «карьерного роста».

Гамлет, впервые увидев Галю, задает вопрос:

Гамлет:

Как давно здесь стоишь?

Галя:

С прошлого месяца встала,
с косметики начинала.

Теперь Артур привозит галантерею, белье

Гамлет:

Хочешь перейти на кожу и мех?

Галя:

За натуру, или так, ни за что?

Гамлет:

Ну за пару раз в примерочной, в общем сама смотри

...

Галя:

Ну ладно,

А так здесь одна такая видная есть Лариса за 27-ым из Нальчика,
С обувью сидит и после работы вроде за тридцать ее берут.

Гамлет:

Да с ней я побыл уже позавчера,
И вообще сегодня с Артуром она

Ну так че делать дальше.

...

Гамлет:

Ладно, давай в примерку,

2. Власть

В Советском Союзе существовала патерналистская опека над женщинами (работающими матерями) со стороны государства с целью преодоления кризиса сферы репродуктивного воспроизводства. Именно государство, будучи монопольным работодателем, регулирующим жилищные условия, миграцию и профессиональную мобильность, обеспечивало работающих женщин определенным набором социальных гарантий и льгот, но одновременно ограничивало возможности карьерного и профессионального роста заранее заданным набором

возможностей. В постсоветское время соотношение сил меняется, государство (в одностороннем порядке) отказывается от социальных обязательств в целях экономии на расходах. Наступает «свободный рынок», где «право на выбор» индивида в условиях свёртывания убыточных производств, экономического кризиса, приватизации и массовых сокращений, превратилось для женщин в фикцию: «женщины-работницы» оказались экономически и социально маргинализированными. Частное предпринимательство выстраивается через неформальные, преимущественно мужские сети знакомых, дающие особый доступ к ресурсам.¹² Власть стала принадлежать «хозяину-начальнику». У Галины выбора нет – либо в постель, либо «вон пошла». А кроме ларька пойти некуда.

Гамлет:

...

Мех ты не потянешь
Элитный товар – не твое,
Раком давай вставай
А то вообще с лотка попру.

Галя:

А что же я потяну?
Даже на белье что ли не тяну,

А на варежки, шнурки,
Детские китайские портки?

Гамлет:

Ладно, на белье оставляю,
давай в общем сзади,

Гамлет обладает легитимной силой – властью начальника над подчиненными женщинами.

Но, как утверждала Р. Коннелл, помимо прямой связи власти с маскулинностью, которая является центральной осью силовой структуры гендера (ядром), существует еще другая ось внутри основных гендерных категорий (периферия): определенное лишение власти некоторых групп мужчин, то есть иерархия с сосредоточением власти на разных уровнях.¹³ Гамлет родом из Дагестана, работает в Москве. Он, занимаясь предпринимательской деятельностью в условиях мегаполиса, как представитель иммигрантской общности, не отличается чем-либо от других групп этнических иммигрантов, реализуя одинаковую для всех участников стратегию максимизации выгоды и минимизации издержек в жестких условиях институциональных ограничений среды.¹⁴ Бизнес строится по «мужским принципам», с использованием «мужских дискурсивных практик» (через мужские разговоры, ненормативную лексику).

Гамлет:

Алле, да, восемь точек, обналичу завтра.
 Две шубы гнилые, Зое отдай на реализацию,
 Ну и что, краденое тоже одежда;
 Сейчас не могу, Алику скажешь, чтоб
 Заказ не проебал, там прозондировать надо,
 Нет, нутрию не бери, давай.

...*(Звонок мобильного):*

Гамлет:

Але, чего? За четыре куска?
 Какого года машина? Хорошо, буду через 20 минут.

Слушай тут машину надо посмотреть,
 Вчера пригнали, БМВ, полчаса подождешь?

(Звонок на мобильный)

Алле, да, уже привезли?
 Сколько секунд-хендов, две? ничего,
 Навесим ярлыки, чистка и пойдут по 700.

Но в оценочных характеристиках друг друга – со стороны Галины по отношению к Гамлету (и этнически другим), и со стороны Гамлета по отношению к женщинам, работающим на рынке – присутствуют эмоционально насыщенные метафорические черты взаимного (не)восприятия:

Галина: (про себя)

Черный опять, ну кто еще клюнет здесь,
 Как-нибудь потерплю. За мехом если в день
 Хотя бы одну модель купят прибыль под 200 баксов сразу.

...

Гамлет (про себя):

Козлиха какая-то,
 Надо было подъезжать к той, что с завивкой,
 ну ладно, *бабье здесь все равно одно потное говно*.

Несмотря на демонстрацию своей легитимной власти (успешной маскулинности в пределах рынка), Гамлет проговаривает и существующие ограничения действия такой власти для себе подобных – даже при наличии денежных ресурсов:

Гамлет:

Ой, подожди, новый клип Фриске

...

Такую телку можно снять на месяц
Тысяч за сто.
Рафик мог бы снять, но говорит,
И дешевле не хуже.

С другой стороны, показательна и реакции Галины на телеведущую Тину
Канделаки:

Галя:
«Детали» начались, посмотрим
Канделаки надела чё.
Ведущая: (манерно, вычурно и вульгарно) (Из Цветаевой)

...
А этот колокол там, что кремлевских тяжелее,
Безостановочно ходит и ходит в груди –
Это – кто знает? – не знаю, – быть может, – должно быть
Мне загоститься не дать в российской земле.

Галя:
Конечно, что ж тебе делать здесь
Ты к себе на Кавказ едь!

3. Катексис

О том, что сексуальность конструируется социально, что ее телесные параметры не существуют до и вне социальных практик, с помощью которых формируются и реализуются отношения между людьми, написано много.¹⁵ Во всех социальных отношениях можно обнаружить присутствие сложных противоречивых, амбивалентных, эмоционально нагруженных чувств. Пьеса начинается с проявления заботы со стороны Гали к Гамлету и быстрой ответной реакцией последнего:

Галя:
Ты чего в зубах-то гвозди держишь
Не проглоти...

Гамлет:
надо забить
Планка с лотка отошла.
Как давно здесь стоишь?...
...
Хочешь перейти на кожу и мех?...
Ну за пару раз в примерочной, ...

«Двойной стандарт», позволяющий мужчинам не ограничивать половые отношения (и запрещающий это женщинам), не означает, что мужчинам «больше хочется», а означает тот факт, что у них больше власти.¹⁶ Насилие и нравственность связаны, так как утверждаются, упорядочиваются и контролируются социальной властью. Секс становится инструментом приспособления, удовлетворения и подавления, связанным с процессом тотальной технизации. Другими словами, маскулинность определяется не только через доминирование мужчин, но и через пространственную, временную и эмоциональную непрерывность сферы бизнеса.¹⁷ Реакция Гамлета на Галину прагматична и функциональна, сексуальность отделена от эмоционального и личностного.

Гамлет:

Ну ты совсем как доска.

...

Такую бесплатно даже не надо

Галя:

Почему?

Гамлет:

Дешевая потому что фактура, вон везде целлюлит.

...

Сексуализация женщин как «объектов» мужского желания включает определенный набор представлений о «женской привлекательности», и именно СМИ укрепляют «социальный миф» о том, что быть сексапильной (женственность, которая «подчеркнуто» исполняется для мужчин и «господствует» над другими видами женственности) – значит быть счастливой и свободной.¹⁸ Именно медиа задают модель, какие именно символические знаки являются объектами «эротического фетишизма».

Галина: (в квартире Гамлета)

Гарнитур с собой прибалтийский захватила,

Если не понравится, скажи.

Гамлет:

...

(*выходит в дешевом кружевном белье*).

Мне на белье наплевать...

[...]

Гамлет:

Ой, подожди, новый клип Фриске

Посмотрим?

Галя:

Ладно, я пока одену трусы?

Смотри – золотые,
Вот и у Стоцкой трусы в последнем клипе – золотые.
Мне золотые ни разу не поставляли.
А серебристый, металл привозят,
Металлик вообще сейчас идет хорошо.

Блистательные звезды ТВ – «эротический фетиш» – вдохновляют и одновременно угрожают напором сексуальности, но коммерческая технология захвата зрительского внимания срывает. Галина покорно принимает сложившуюся ситуацию, «соглашается» по вполне прагматичной причине: с одной стороны, она механически предоставляет свое тело для функционального использования, с другой – способствует воспроизводству «успешной маскулинности» Гамлета.

Галина: (про себя)

*Как-нибудь потерплю. За мехом если в день
Хотя бы одну модель купят прибыль под 200 баксов сразу.
Это минимум до полутора если дойдет,
Квартиру сниму у метро, в пассаж с Тонькой ходим,
В салон пойду, сапоги куплю как у Собчак,
На курсы вождения можно пойти,
Белье только импортное носить.*

Она соглашается на любые «желания» Гамлета и воспринимает социальный порядок как «естественный». Гейл Рубин в антропологическом исследовании обмена женщинами писала о том, что с точки зрения системы нужна такая женская сексуальность, которая бы отвечала на желания других, а не такая, которая бы активно желала и искала ответа.¹⁹

Гамлет:

С чего начнем, с орала или с анала.

Галя:

С моей точки зрения все одно, одинаково далеко.

На дому, в отеле или на свалке,

С какой стороны палки.

[...]

Гамлет:

Тогда без презерватива,
с гандоном чего-то сейчас не хочу.

Галя:

Ладно, ради меха, я потерплю.

Такое описание напоминает «порнографическое», если понимать порнографию как сведение тела партнера до уровня объекта.²⁰ Но у Гамлета, несмотря на многочисленные попытки *приступить к сексу* (между деловыми переговорами по мобильнику) и сменой мест реализации этих *попыток* (от примерочной до его собственной квартиры), «мощной эрекции» и «стремительного оргазма» так и не происходит. В пьесе описан «сбой» с воспроизводством маскулинности в этой механически суженной, унифицированной форме сексуальных отношений.

Гамлет:

...

Я должен быть на рынке в 7 утра,
Метро закрылось,
Не повезу тебя уже никуда. Ложится мне уже надо,
Хочешь оставайся, спи, вот одеяло, на,
Или бери тачку, ежай домой сама.

Галя:

Поздно, я тут полежу до утра.

Кети Чухров, описывая «сцену» неудавшихся попыток секса, сделала видимым, что не только традиционно трактуемое как слабое женское эксплуатируемое тело Галины, но и традиционно трактуемое как сильное мужское тело «эксплуататора» Гамлета выступает в качестве жертвы отчужденной сексуальности, контролируемой рыночными отношениями. Гамлет вызывает сочувствие и сострадание у Галины. Жалея его со своей позиции «слабой силы», она проявляет диффузную чувственность, которая проявляется в почти ритуальном чтении «стихов к сироте» Цветаевой над спящим мужчиной.

(Ложатся в разных комнатах. Галя через 10 минут встает, подходит к уснувшему Гамлету)

Галя: (почти по слогам, по-ребячьи) (весь курсив из «Стихов к сироте», Цветаевой):

*Что для ока – радуга,
Злаку – чернозем –
Человеку – надоба,
Человека – в нем.*

[...]

*И за то, что с язвою
мне принес ладонь –
Эту руку – сразу бы
За тебя в огонь!*

(Пауза)

*Хотеть – это дело тел,
А мы – души
Отныне...*

(пауза)

*Не попадаем в такт
Возьми под руку! Не каторжники, чтобы так!*

(ложится рядом)

*Ток.
Точно мне душою кто-то на руку лег!*

...

В этой архаической (как чтение заговора-молитвы над телом больного) аффективной поэтической зоне возрождаются эмпатические отношения восприимчивости и сострадания к *другому*. Поэзия и сон (как состояния перехода) связывают два тела в общности друг с другом – утраченной и забытой.²¹

(6.30 утра. Просыпается Гамлет. Галя еще спит)

*Гамлет:
Кажется уже рассвет,
Собираться надо, рынок не ждет, это ты? Привет.
Мне приснился мир, в котором не было стен.
Тебя видел близко кожей к коже, до самых вен.
Ветер, ветер вокруг, а не в ванной фен.*

*Галя: (просыпается)
Тяжело, а до смерти далеко,
Умножим это на два и станет легко.*

*Гамлет:
Сколько идет этих лучей в окно,
Может место и время уже прошло?
Помаду твою дешевую как разнесло,
Сотрем ее туалетной бумагой и увидим лицо.*

Возникает амбивалентное отношение к ситуации, описанной в пьесе. Сбой

в применении легитимного вида мужской практики, направленной на максимизацию выгод и подавление, создает возможность определенной временной длительности (вечер и ночь), которая неожиданно приводит к субверсивно-созидательному (творческому) потенциалу чувственности со стороны обоих, направленную навстречу друг к другу. Утренние «лучи в окно», как свет новой жизни, подобны «чуду», вокруг которого возникает общая «вера» – как момент сопричастности этому «чуду» жизни. Мир преобразуется заново.

Феминизм поступка

Первоначально между Гамлетом и Галиной возникают вполне «договорные» отношения. Гамлет – «чужой», исключенный из числа «нормальных» партнеров как «*черный*» в Москве, то есть мигрант, занятый в этническом неформальном секторе хозяйственной деятельности (вещевой рынок, торговля) с акцентом на криминальный характер такого рода видов деятельности (торговля краденным и испорченным товаром). Стигматизация «*черный опять*» является способом подкрепления «позитивной» социальной идентичности Галины (она – «белая»), одновременно выявляя социальную маргинализацию иммигрантов и демонстрируя низкую репутацию и имидж такого рода сексуальных партнеров. Но «терпеть» его приходится от «нужды» выжить – «заботы о себе».

Галя:

Каждый тем не менее рождается
С маленькой информацией о том.
Продать дубленку,
котлеты в кулинарии,
Заплатить за квартиру.
Если с шубами повезет, поехать в Турцию.
А вдруг не надо это все,
Может просто выйти на шоссе и
До первого обморока вдоль пойти.

Галина потеряла любовь, но компенсировала потерю этой любви любовью к телевидению. Она смотрит телесериалы. Современные зрители обучены тому, как выглядит любовь, ревность или сострадание (которым раньше долго обучали литература и искусство) через моментальное распознавание, считывание определенной комбинации телевизионных знаков и приемов, т.е. через современную технологию телеобразов.²² Телевидение «соблазняет» (по Бодрийяру) зрителей симулятивными образами, манипулирует ими. Олег Аронсон выделяет еще и «план искушения», то есть нечто нетехнологическое в телеобразе, отвечающее

«силам жизни», ведущим к ситуации общности-в-образе, зонам человеческой общности в восприятии. Образы телевидения наследуют у кинематографа момент «чуда» (подобно христианскому чуду: превращению воды в вино), которое оказывается все более обыденным, в то время как общность-в-вере усиливается, и вера не имеет для себя объекта. «Но образ-искушения, этот новый поиск коммуникации тел, – есть образ за рамками представления».²³

Галя: Ты знаешь, когда-то как бы все было у меня хорошо.
Вдруг неожиданно поехало,
Как будто уже никого не люблю.

Телевидение мой телохранитель,
смотри на меня всегда.
А еще я снег сильно люблю,
Какой-то хотя бы мой полог.

Галина:

Такой фильм сейчас по первому идет
Про жизнь, про бытие человека на земле,
как бы живет он, то ли есть у него все, то ли нет ничего,
Не может понять.
То ему говорят: «ты запаadlo», а то баба всего облизет и рядом ляжет,
А ему – то надо до охуения это все,
То вдруг лень станет и он прячется под пальто.
Смотрел? Сегодня третья серия будет.

Галина смиряется с ситуацией зависимости (отчуждением своего тела), связанной с работой и деньгами. Но она сохраняет и способность к состраданию, проявлению заботы о другом, и – как и «баба» из фильма – ложится рядом, согревая теплом своего тела Гамлета, после чтения стихов «к сироте» над его головой. Этот поступок кажется бессмысленным, но Галину переполняет ожидание и вера в любовь. Она стремится к любви.

В течение вечера, между попытками *приступить к сексу*, она говорит о том, что хотела бы «примерить» женский образ Христа, чтобы полюбить всех осиротевших и травмированных сексуальностью современных мужчин, воспроизводящих властные отношения по модели, логике рынка, и *одарить* их, превращая *себя* в бесплатный товар.

Галя:

А я бы если пошла на панель,
Только бесплатно.
Интересно, если бы девчонка полюбила всех

Так же сильно как Христос,
Она бы бесплатной проституткой что ли стала,
Она бы совсем что ли не разбирала,
Кто ее в разнос, а кто взасос.
Сильно бы плакала, страдала,
Но всем разрешала.

Она готова раздаривать свои еще не сделанные «шедевры» детям и женщинам, зависимым и вынужденным выживать, одновременно воспроизводя практику мужского доминирования, так как хочет установить отношения с теми, кто отлучен от искусства.

Галя:

А если б я рисовать как художница стала
Детям бы с картинами своими
Играть разрешала,
Скульптуру бы как рафинад ломала
И под язык, в рот.
Или бы с выставки забрала
И относила шпагатницам из города Рудня впрок.

...

Гамлет:

А ты рисовать что ли умеешь,
Если нет, так не пизди.

Галя:

Я умею еще только хотеть отдавать

Высказывая свои мысли, она проговаривает важные для нее вещи о том, что люди утрачивают веру, они разучились быть вместе.

Галя (в машине):

Никакого настроения, никакого впечатления,
никакой атмосферы,
Святые живут и умирают без веры
Приткнувшись к глухой двери.

Но Галина живет со знанием и пониманием причастности людей друг к другу, и эта *вера* в причастность создает иной, сложный, внутренний мир, нежели окружающий ее, структурированный рынком. Ее желание верить указывает не на абстрактную моральную способность, а на желание героини быть с кем-то

другим, и это желание предполагает ответственность. Конфигурация аффектов ее веры делает ее мир либо радостным, либо грустным, без всякой рациональности и экономической выгоды. Только через такие знаки *радости* и *грусти* – знаки коммуникации – становится уловима жизнь Галины.

Гамлет:

Че плачешь, все равно же блядь,
А плачешь как будто ребенок опять.

Галя:

Как же мне страну то любить, вот почему я плачу,
Как же ее родной-то считать,
Как же в ней засыпать?
Кого не знаю любить,
Может тебя любить начать?

Гамлет:

А че, люби наздоровье,
По любви ж дешевле,
Это же выгодно всем:
Мужикам, президенту,
Государству, всей стране.

Галина не может найти «своей» речи, но она способна отказаться от «своей» истории в пользу *другого*, способна полюбить и проиграть, но сохранить способность *быть вместе с другим*. Это ее «становление женщиной» неотделимо от ее способности видеть, слышать, понимать. Это становление – бесформенное, незавершенное, между внутренним и внешним мирами – это не просто *желание любви*, но некий принцип, когда ты способна идти по пути ущерба и несправедливости, когда ты обречена на отторжение, обречена быть идиоткой или безумной...

С одной стороны, позиция рассказчика требует изначальной идентификации (например, когда «женщина» определяет себя через самоименование, а не поступок): ведь только обретая самоидентичность (через фигуру идентификации), возможно стать рассказчиком, участвующей в дискурсе феминизма (в его политической стратегии). С другой – поэт и философ Кети Чухров в пьесе *Афган–Кузьминки* делегирует «суверенную волю автора различным субъектам высказывания вплоть до трансляции правды «самих вещей»». ²⁴ В разорванной коммуникации пересекающихся в пьесе историй дагестанца-предпринимателя (чужого) и (зависимой) продавщицы, работающих на одном рынке, через образ-аффект взаимозависящих жертв отчужденной сексуальности (рыночных

отношений) проступает некая странная маргинализованная общность. И в этой общности «трагедии выживания» есть дионисийское утверждение жизни, ее приятие, а не отрицание. Моральный парадокс пьесы заключается в том, что желание героини любить и быть с кем-то другим, побуждает ответное желание, как бы «заражает» Гамлета: не вызывает сочувствия, а порождает жест этического действия – момент становления *другим*. И это становится еще одним поступком, в котором мир получает шанс измениться и перестать быть заложником войны полов и вымыслов.

-
- 1 <http://www.youtube.com/watch?v=yIWVXAahja0>
  - 2 С. Першай, «К вопросу о дискриминации по признаку пола в языке», *Женщина. Образование. Демократия. Материалы 5-ой междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. (6-7 декабря 2002г.)* (Минск: ЖИ «ЭНВИЛА-М», 2003) с. 350-352.
  - 3 И.Н Тартаковская, *Гендерная социология* (М.:ООО «Вариант», 2005), с.33
  - 4 Сообщение от Serguei A. Oushakine <kcgs_discussions@kcgs.org.ua> 11.03.2005
  - 5 Там же.
  - 6 Джудит Батлер, «Отдавая отчет о себе», *Гендерные исследования, № 17*, с.119
  - 7 *Транслит* <http://www.trans-lit.info/4issue.pdf>
  - 8 Р.У. Коннелл, «Основные структуры: труд, власть, катексис», Тартаковская И.Н. *Гендерная социология*, с.296
  - 9 Катексис (cathexis) – психоаналитический термин, обозначающий психо-биологическую энергию, связанную с реализацией идей, импульсов, чувств и желаний. Объектом катексиса могут быть как идея или имидж, так и конкретный человек (см. Тартаковская И.Н. С. 287)
  - 10 Зоя Хоткина, «Гендерные аспекты занятости в условиях кризиса» <http://www.forum.gender.ru/node/939>
  - 11 *Сексуальные домогательства на работе*, под ред. З.Хоткина (Москва: МЦГИ,1996) 128 с.
  - 12 А. Юрчак, «Мужская экономика «не до глупостей, когда карьеру куешь», *О муже(Н)ственности* (М.:НЛЮ,2000) с. 265
  - 13 Р.У. Коннелл, «Основные структуры: труд, власть, катексис», с.311.

- 14 В.Н. Титов, «О формировании образа этнического иммигранта (анализ публикаций прессы)», *Социологические исследования*, №11 2003.
- 15 Р. У. Коннелл, с.312.
- 16 Там же, с.315
- 17 А. Юрчак, «Мужская экономика «не до глупостей, когда карьеру куешь», с.267
- 18 Т. Михайлова, «В постели с «Огоньком», *Женщина и визуальные знаки* под ред. А.Альчук (М., 2000) с.144
- 19 Г. Рубин, «Обмен женщинами», *Антология гендерных исследований* (Мн.: Прописи, 2000) с.111-113
- 20 Р. Нохейль «Мечты и кошмары. О телесном и сексуальном в постсоветской женской прозе» http://www.a-z.ru/women_cd1/html/preobrazh_4_1996_b.htm
- 21 О. Аронсон, «Кинематографический образ: переизобретение чуда», *Коммуникативный образ (Кино. Литература. Философия)* (М.: НЛЮ, 2007) с.38
- 22 О. Аронсон, «Телевизионный образ: подражание Адаму», *Коммуникативный образ*, с. 40.
- 23 Там же с. 45.
- 24 *Транслит* <http://www.trans-lit.info/4issue.pdf>